

Михаилъ Юрьевичъ

Лермонтовъ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

СБОРНИКЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

ПРОВЕРКА
1933 г.

Изданіе 5-е, дополненное.

МОСКВА—1916.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. С. Спиридонова.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., 4. Телефонъ 3-84-15.

Библиотека
им. Н. А. Некрасова

83.3P5X
Л498

XIX

48

+

1950

ся по берегамъ Кубани, кубанскіе или черноморскіе (малороссы изъ Запорожской Сѣчи, съ 1772 года), и по берегамъ Терека, терскіе или гребенскіе (великорусскаго происхожденія, по преданію, еще со временъ Іоанна Грознаго). Эта линія, простиравшаяся по берегамъ рѣкъ Кубани и Терека болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ, состояла изъ станицъ (селеній), представляющихъ нѣкоторое подобіе крѣпостей съ 3—4 пушками, а также изъ батарей и постовъ, имѣвшихъ отъ 25 до 50 человекъ, и пикетовъ отъ 3 до 10 человекъ. Въ этихъ селеніяхъ казаки должны были держать кордоны (караулы) да, кромѣ того, дѣлать постоянные разѣзды и устраивать такъ наз. секреты, или тайные караулы въ плавняхъ, т.-е. прибрежныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ, поросшихъ камышами. Горцы были хитры и смѣлы: понятно, что такая трудная служба требовала отъ казака великой отваги, проворства и необыкновенной осмотрительности. Тревожная и полная опасностей жизнь воспитывала такую удаль, какой въ севастопольскую войну изумлялась Россія и Зап. Европа.

Вслѣдствіе постоянного присутствія мужей на службѣ все домашнее хозяйство держалось трудами и работами женъ, вслѣдствіе чего казаки (особенно гребенскіе) поразительно развили въ себѣ, помимо физической силы, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера.

Лермонтовъ и Гоголь, создавшіе лучшіе образы любящей матери, оба изображаютъ мать-казачку.

Казачка «только мигъ жила любовью», для себя: мужъ «покидалъ ее для сабли, для товарищей»; при рѣдкихъ свиданіяхъ она не встрѣчала со стороны суроваго рыцаря-мужа, казака душою, отвѣта на нѣжныя чувства, которыми живетъ сердце женщины. Оттого, говорить Гоголь про жену Тараса Бульбы, «вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство».

Изъ „Филолог. Записокъ“ за 1890 г.

„Я, мать Божія, нынѣ съ молитвою“...

Существуетъ разсказъ о томъ, что Лермонтова, Печоринскаго отрицателя, злого Лермонтова, одинъ изъ его товарищей засталъ однажды въ церкви. Онъ молился на колѣняхъ. Такимъ же тайнымъ молитвенникомъ, явнымъ отрицателемъ былъ онъ и въ жизни и въ поэзіи. Быть можетъ, ни одного изъ русскихъ поэтовъ поэзія не является до такой степени молитвой, какъ у Лермонтова, но эта молитва—тайная.

Лермонтовъ слылъ безбожникомъ—и прослылъ имъ доннынѣ!..

И все же правда о немъ—то, что увидѣлъ заставшій его въ церкви товарищъ, а не то, что увидѣли его критики, друзья и враги. Молитва Лермонтова тайна, сокровенна; хула—явна, примѣтна. Молитва его стыдлива, она боится, чтобъ не нарушилось ея одиночество, и она сознательно скрытна, затаенна, прикровенна. Въ не предназначавшейся для печати автобіографической поэ-

мѣ «Сашка» есть мѣсто, рѣшающее споръ о первичной, изначальной религіозности Лермонтова:

Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;

Пожалуй, кто-нибудь, шпионъ ничтожный

Мои слова прославить, и тогда

Нельзя креститься будетъ безъ стыда,

И поневолю станешь хулить Христа,

Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

Боязнь «шпиона ничтожнаго» сдѣлала молитву Лермонтова скрытной, утаенной, какъ будто не существующей. Но навсегда осталась привычка «поневолю лицомѣрить»—подъ явной хулой хранить тайную молитву. Тутъ еще разъ вскрывается противоположность Пушкина и Лермонтова. Величавая славянская молитва Пушкина «Отцы пустынники»—не молитва вовсе: переложение молитвословія, рассказъ о молитвѣ, читаемой постомъ. Пушкинъ любилъ передавать молитвы, рассказывать, что читаютъ на молитвѣ. Мальчикъ въ «Борисѣ Годуновѣ» читаетъ молитву за царя, опять великолѣпную, подлинно церковно-славянскую, православную молитву, а слушаютъ ее лукавые бояре съ хитрымъ Шуйскимъ, и если молятся, то сердцемъ просятъ обратнаго, чѣмъ устали. Пушкинъ можетъ—и *никто* другой такъ не можетъ передать о томъ, какъ молится правовѣрный о гибели гяуровъ («Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ»), какъ арабъ хвалитъ всесоздаващаго Аллу, онъ передаетъ религіозную муку суроваго пуританина («Странникъ»), онъ расскажетъ просто и прекрасно о любезной ему картинѣ, висящей предъ нимъ—о ликѣ Мадонны, онъ съ негодованіемъ сравнитъ николаевскихъ солдатъ, охраняющихъ «Распятіе» Брюлова, съ мироносицами, охраняющими Распятіе Господне—онъ рассказываетъ, передаетъ, описываетъ, читаетъ молитвы. Есть молитвословія христіанскія, магометанскія, есть слова молитвъ, но нѣтъ молитвы.

Обратное Лермонтовъ. Есть молитва—и нѣтъ молитвословія. По обращенію есть только одна: «Я, мать Божія», не похожая ни на одну молитву ни въ одномъ молитвенникѣ; по устремленію, по сокровенному порыву, по радости или мукѣ всѣ стихи—молитва.

Но средь безгласныхъ, сокровенныхъ, защищенныхъ отъ людскаго слуха «лицемѣрьемъ поневолю» молитвъ Лермонтова есть одна, больше всѣхъ сокровенная, но, къ счастью нашему, не до конца безгласная. Мы одинъ лишь разъ услышимъ, Кому возносится эта молитва, но мы разслышимъ многія слова, многія воздыханія Лермонтовской молитвы, прочтя это единственное молитвословіе Лермонтова:

Я, мать Божія, нынѣ съ молитвою,

Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,

Не о спасеніи, ни передъ битвою,

Не съ благодарностью или съ покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,

За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,

Но я вручить хочу дѣву невинную

Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

И это единственное молитвословіе Лермонтова—молитва не о себѣ: и здѣсь онъ остался безмолвникомъ, неисповѣдникомъ. Эта молитва—Единой спасающей *Женѣ*—о спасеніи Женственного земли, молитва о Той, Которой онъ надѣялся спастись самъ.

Въ этой своей молитвѣ Лермонтовъ глубоко народенъ. Русская молитва есть по преимуществу молитва къ Богоматери и только черезъ нее ко Христу. Мы не знаемъ многихъ образовъ Христа, но образы и иконы Богоматери многообразны: точно вся многообразная народная скорбь и печаль прибѣгала къ многообразной Заступницѣ. Молитва къ Богоматери—простѣйшая, дѣтская, женская молитва, и ею-то впервые помолился Лермонтовъ, уже не боясь креститься при «шпіонѣ ничтожномъ». Въ этой молитвѣ Лермонтовъ соединилъ свою судьбу съ религіозной судьбой русскаго народа.

Увидѣвъ вселенную въ свѣтѣ лазурнаго огня, порываясь къ глубокой «душѣ вселенной» (въ поэмѣ своей «Сашка»), Лермонтовъ пришелъ къ тому, чему, много лѣтъ спустя, жизнію, поэзіей и мыслию послужилъ Вл. Соловьевъ,—къ признанію бытія этой души вселенной (у Соловьева такъ же, какъ у Лермонтова: «душа вселенной тосковала о духѣ вѣры и любви»), св. Софіи, той св. Софіи, которой наши предки, по удивительному пророческому чувству, строили алтари и храмы, сами еще не зная, «кто она» (Вл. Соловьевъ). Подобно этимъ предкамъ, «не зная, кто она», Лермонтовъ воздвигъ ей то, для чего создается храмъ,—молитву, тайную и сокровенную, но молитвословіе его и ихъ было къ единой Женѣ—къ Богоматери. Въ древней Руси праздникъ св. Софіи совпадалъ съ днями Успенія и Рождества Богоматери, и въ церковной службѣ св. Софіи величаніе Ей совпадаетъ съ величаніемъ Богоматери. *Вѣчно женственное*, стремящееся къ полному воссоединенію съ Богомъ, праведно припадаетъ здѣсь къ *Совершенной Женѣ*—Богоматери, одинаково вмѣстившей *Женственное земли и неба*. Вотъ почему, подобно русскому народу, ощущая и почитая предчувственно св. Софію, Лермонтовъ молитву, свою единственную молитву, слагаетъ *Богоматери*. Ея благоуханнымъ именемъ онъ, такъ боявшійся произнести Имя, завершилъ тотъ «таинственный разговоръ» съ Женственнымъ Существомъ, «съ глазами, полными лазурнаго огня», которымъ былъ занятъ всю свою жизнь.

Дурыйминъ.

Содержаніе, построеніе и основная мысль стихотворенія „Споръ“.

Двѣ величайшія горы, Казбекъ и Шатъ, ведутъ между собою «великій» споръ. Свидѣтелями ихъ спора являются группы и группы Кавказскихъ горъ.

«Сѣдовласый» Шатъ (Эльбрусъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ) предсказываетъ Казбеку, что наступитъ время, когда онъ окончательно покорится человѣку, который по уступамъ горъ настроитъ хижинъ (келій), въ ущельяхъ станетъ рубить лѣсъ («въ глубинѣхъ ущелій заремитъ топоръ») и будетъ добывать металлы («въ камен-